

Л. Г. Пономарева, Речь северных коми-пермяков, Москва 2016 (Языки народов мира). 514 с.

Одной из первоочередных задач для исследователей коми-пермяцкого языка является фиксация диалектного материала (Меркушева 2012 : 42; Федосеева 2012 : 160). Обусловлено это постепенной, но постоянной интеграцией и нивелировкой диалектов, сужением территории распространения говоров, а также исчезновением некоторых из них, влиянием литературного языка. Большим достижением в этом плане стала рецензируемая работа Л. Г. Пономаревой — первое издание, отражающее речь северных коми-пермяков на современном этапе.

Монография состоит из предисловия, введения, основной части (четыре раздела), примечаний, списков использованной литературы и сокращений, указателя жанров.

В предисловии (с. 8—11) автор знакомит со структурой монографии, особенностями и методикой сбора материала, а также его передачи. Введение (с. 12—14) содержит территориальную характеристику диалектов северного наречия и сведения о численности северных коми-пермяков. В работе анализируются кочёвский, косинско-камский и мысовско-лупьинский диалекты. Последний обычно рассматривался как два самостоятельных диалекта, в связи с этим Л. Г. Пономарева обращается к истории этого диалекта, аргументируя свою точку зрения.

В первом разделе «История изучения северных говоров коми-пермяцкого языка» (с. 15—24) прежде всего анализируются письменные памятники начиная с XVIII века, в которых автор выявляет языковые особенности, встречающиеся в современных севернопермяцких диалектах. Достаточно подробно описано исследование северных коми-пермяцких диалектов, которое началось в 1920—1930-х годах созданием в 1928 году комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка

при Московском филиале Общества изучения Коми края.

В разделе «Языковые особенности северных диалектов коми-пермяцкого языка» (с. 25—32) представлены как языковые черты, свойственные северному наречию в целом, так и дифференцирующие признаки отдельных диалектов. Проводится сопоставление с языковыми особенностями южнопермяцких диалектов, причем выявлены отличительные признаки на уровне как фонетики и морфологии, так и лексики.

Третий раздел «Транскрипция коми-пермяцких текстов» (с. 33) посвящен специфике использованного транскрибирования. Транскрипционные знаки и их соответствия представлены в таблице. Л. Г. Пономарева отмечает, что применяется в основном фонематическая транскрипция, из вариантов фонем обозначаются лишь те, что служат для различения диалектов и говоров (с. 33).

Основную часть монографии составляют тексты и переводы (с. 34—494). Всего приведено 759 текстов, пронумерованных и распределенных по диалектам: кочёвский (с. 34—122), косинско-камский (с. 123—266), мысовско-лупьинский (с. 267—494). Удачно выбран способ распределения текстов по диалектам и говорам. Поскольку косинско-камский диалект распространен в двух районах — Косинском и Гайнском, то тексты приводятся по районам, а затем уже по населенным пунктам, в которых собран материал. Населенные пункты «даются не в алфавитном порядке, а в порядке территориальной близости, чтобы показать степень схожести говоров» (с. 9). В мысовско-лупьинском диалекте целесообразно выделение мысовского и лупьинского говоров, так как несмотря на общую территорию проживания мысовские и лупьинские пермяки сохраняют языковые особенности. Правильным считаем распределение

текстов мысовско-лупьинского диалекта по говорам, а затем по населенным пунктам. Внутри населенных пунктов материал расположен по жанрам. Данные о жанровом многообразии текстов см. в «Указателе жанров» (с. 513), что особенно удобно для фольклористов и этнографов.

Сами тексты бесценны не только в языковом отношении. Автором собран богатый материал по разным аспектам духовной и материальной культуры северных коми-пермяков. Л. Г. Пономаревой удалось записать легенды и предания, сказки, былички, песни, частушки, приметы и поверья, заговоры; описать обычаи и обряды, праздники, игры, особенности строений, транспортных средств, орудий труда, охоты и рыбной ловли, утвари, традиционной кухни и одежды. Тексты повествуют о гражданской и отечественной войнах, образовании колхозов, раскулачивании, перестройке, распаде колхозов, о современной жизни. Не весь собранный материал вошел в монографию. При отборе предпочтение отдавалось прозаическим жанрам, так как в них лучше проявляются языковые черты (с. 9).

Л. Г. Пономарева указывает, что материал записывался преимущественно у людей старшего возраста, говорящих на хорошем коми-пермяцком языке. Это оправдано и тем, что речь носителей старшего поколения менее подвержена нивелировке и влиянию русского языка, лучше сохраняет территориально-языковые отличия. Возможно, нужно было обратить внимание на образование и профессии информантов, так как на речь, например, учителя коми-пермяцкого языка (тексты 256, 266) может оказывать влияние факт преподавания литературного коми-пермяцкого языка.

Автор отмечает, что речь информантов записывалась без какой бы то ни было предварительной подготовки, поэтому в текстах сохраняются черты устной речи: повторы, уточнения, пояснения, пропуск отдельных слов и выражений, иногда непоследовательность и нелогичность (с. 9). Именно устная

речь отражает диалектный язык, что повышает ценность представленного материала. Кроме того, спонтанная речь служит добротным материалом для исследователя диалектного синтаксиса.

Все тексты паспортизованы: указано, где, когда и от кого они записаны. Эти данные приводятся в примечаниях (с. 495—507). В этом разделе за порядковым номером текста следуют данные об информанте (фамилия, имя, отчество, год рождения, место рождения, образование) и год записи текста. В некоторых случаях тексты сопровождаются комментариями, например, толкования непонятных слов (тексты 576, 603, 650) или пояснения (тексты 563, 666, 687, 704).

Коми-пермяцкие тексты даны в двух транскрипциях: на кириллической основе и на латинской основе. Все они переведены на русский язык. Для максимального отображения особенностей устной диалектной речи автор использует перевод, близкий к буквальному, что вполне оправдано и отвечает целям и задачам монографии. Хотя русский текст иногда кажется не совсем естественным, он понятен.

Что касается собственно текстов, то у нас возникли некоторые вопросы:

1. В исконных коми-пермяцких словах не употребляется мягкий согласный *p'*, но он встречается в русских заимствованиях. В текстах в подобных словах используется сочетание *pj*: *пэ-рэкрьюсток* (текст 8), *рjадом* (текст 270), *вэрьовочкайн* (текст 277), *рjабинасö* (текст 278) и т. д. На наш взгляд, такое написание не всегда соответствует произношению. Например, для автора рецензии, носителя пуксибского говора косинско-камского диалекта, сложно (и даже невозможно) произнести данные слова с *pj*. Более близкой к произношению и правильной, на наш взгляд, была бы транскрипция с сочетанием *p'j* или с надстрочной буквой *p'^u*: *пэрэкрьюсток*, *р'jадом* или *вэрь^uовочкайн*, *р'^uабинасö*, где *p'* не является полным соответ-

ствием рус. *p'*, но призвук мягкости все же имеет.

2. В речи северных пермяков в середине и конце слова всегда употребляется *л*, например, *ныллэз* 'дочери', *вёлла* 'за лошастью', *кылны* 'слышать', *пёл* 'доска', *кёл* 'шнур' и т. д. Поэтому сомнительны примеры *кыввэз* (текст 263), *йёввэсё* (текст 267), *визывтё* (текст 270). Возможно, на такое произношение повлиял тот факт, что информантами были учителя-филологи. Сомнения вызывает и слово *выс'тасё* (текст 267), потому что в пуксибском говоре в значении 'доить, подоить' употребляется *чил'кётны*.

3. Наконец, о транскрибировании примеров с сочетаниями *-дс-*, *-д'с-*, *-тс-*, *т'с-* на стыке морфем: *чэл'ацсё* (текст 275), *д'эцсё* (текст 270), *йагёцсё* (текст 270), *оццалисё* (текст 274), *ыджыцсё* (текст 277), *отвэцсё* (текст 277). В работе с носителями северного наречия мы не раз обращали внимание на произношение подобных слов. На наш взгляд, их можно транскрибировать следующим образом: *чэл'ат'сё*, *д'этсё*, *йагётсё* и т. д., так как при произношении

взрывной характер смычного звука в этих сочетаниях сохраняется. Однако для более точных выводов необходимы специальные экспериментальные исследования.

В целом Л. Г. Пономаревой проделан колоссальный труд. Ее монография имеет большую теоретическую и практическую значимость. В научный оборот вводится богатейший материал по северным коми-пермяцким диалектам, которым могут воспользоваться не только языковеды, но и фольклористы и этнографы. Материал первой части книги найдет применение в преподавании коми-пермяцкой и коми диалектологии в вузах не только Перми и Сыктывкара, но и других финно-угорских центров.

Address

Elena Fedoseyeva
Institute of Language,
Literature and History (Syktyvkar)
E-mail: lenafed@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРА

- Меркушева Т. Н. 2012. История изучения коми-пермяцких диалектов. — Пермистика 14. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками, Кудымкар, 38—43.
- Федосеева Е. Н. 2012. Исследование диалектной лексики

коми-пермяцкого языка. — Филологические исследования на рубеже XX—XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (19—21 октября 2011 г., Сыктывкар), Сыктывкар, 158—161.

Е. Н. ФЕДОСЕЕВА (Сыктывкар)